

ПЕРЕВОДЪ ПИСЬМА

ГЕНЕРАЛА КНЯЗЯ ПЕТРА ДМИТРИЕВИЧА ГОРЧАКОВА

КЪ АВТОРУ «СОЧИНЕНІЯ О КРЫМСКОЙ ВОЙНѢ», Г. ГЕРЕНУ.

Не безъ основанія говорятъ, что для современныхъ событій нѣтъ исторіи. Сочиненіе ваше, милостивый государь, вполне подтверждаетъ справедливость этого замѣчанія. Описываемая вами эпоха *Histoire de la dernière guerre de Russie* еще такъ свѣжа въ нашей памяти, дѣйствующія лица оной еще не сошли съ поприща служебнаго; а побудительныя причины ихъ дѣйствій, въ подробностяхъ своихъ, слишкомъ мало извѣстны, чтобы въ настоящее время можно было рѣшиться произнести неопровержимое сужденіе о событіяхъ послѣдней восточной войны. Въ сочиненіи вашемъ, замѣчательномъ во многихъ отношеніяхъ, вкрались нѣкоторыя ошибки, особенно въ описаніи военныхъ дѣйствій русскихъ войскъ. Вообще, трудно быть судьей безъ упрека въ разборѣ событій, лично извѣстныхъ съ одной лишь стороны, событій, для разъясненія которыхъ, по необходимости, приходится прибѣгать къ источникамъ болѣе или менѣе достовѣрнымъ, не всегда точнымъ, иногда пристрастнымъ,—явленіе, весьма понятное, потому что эпоха личностей не миновалась. Такимъ образомъ, люди, съ самыми искренними, прямыми намѣреніями, повторяя рассказы другихъ, часто распространяютъ неправильныя, случайныя мнѣнія. Обязанность историка требуетъ безпристраст-

наго обсуждения ошибокъ, не взирая на личности, — *справедливость суда прежде всего*; оуждая совершенное уже, быть можетъ было бы справедливо, въ тоже самое время, указать на способъ, какъ бы слѣдовало дѣлать лучше.

Не останавливаясь на тѣхъ мѣстахъ сочиненія вашего, которыя бы могли вызвать опроверженія и вовлечь меня въ полемику, я тѣмъ не менѣе считаю необходимымъ разъяснить тѣ страницы вашей книги, гдѣ вы касаетесь лично меня, описывая Инкерманское сраженіе.

Томъ II, стр. 373—374: «Онъ (князь Горчаковъ) не выказалъ въ этотъ день свойственныхъ ему способностей, вѣроятно потому, что прежде всего, долженъ былъ заботиться о безопасности двухъ юныхъ сыновей императора Николая» и т. д.

Приписываемая мнѣ *заботливость о безопасности Великихъ Князей* не могла имѣть мѣста, потому что я никогда не имѣлъ счастья состоять при особахъ Ихъ Высочествъ, а въ день Инкерманскаго сраженія, какъ извѣстно цѣлому міру, Великіе Князья Николай и Михаилъ находились на высотахъ Инкерманскихъ, въ пылу сраженія, весьма мало заботясь о личномъ сохраненіи.

Разъяснивъ это обстоятельство, перехожу къ другимъ. По вашему мнѣнію (томъ II, стр. 336), мнѣ бы слѣдовало: «выступивъ изъ Чоргуна, идти по направленію къ Сапунъ-горѣ и Балаклавѣ, сдѣлать диверсію противъ *обсервационнаго* (наблюдательнаго) корпуса генерала Боске» (томъ II, стр. 367) «и въ тоже время, слѣдуя Воронцовскою дорогою, обнаружить намѣреніе овладѣть одною изъ дорогъ (?), ведущихъ къ Сапунъ-горѣ, чтобы привлечь вниманіе резерва генерала Боске, и держать на сторожѣ лорда Раглана въ Балаклавской долині».

Достаточно одного взгляда на карту, приложенную къ третьему тому вашего сочиненія, карту, которая хотя только поверхностно выражаетъ мѣстность, чтобы съ перваго взгляда убѣдиться въ совершенной невозможности исполнить это двойное назначеніе, выраженное рѣшительнымъ наступательнымъ движеніемъ. И дѣйствительно, свернувъ на право, по Воронцовской дорогѣ, я не могъ уже остановить вниманія лорда Раглана, а слѣдуя въ направленіи къ Балаклавѣ, развязывалъ руки французскому резервному корпусу, обстоятельство, *котораго всячески долженъ былъ избѣгать*.

Желая привлечь одновременно вниманіе обонхъ непріятельскихъ генераловъ, я продолжалъ прямое наступленіе, до тѣхъ поръ, пока это было возможно; подойдя же на пушечный выстрѣль, всякая возможность *маскировать* движеніе исчезла: генералъ Боске, съ высоты своей позиціи, могъ не только слѣдить за каждымъ моимъ шагомъ, но даже по одиночкѣ пересчитать весь мой отрядъ.

Слѣдовательно, мнѣ необходимо было остановиться и ограничиться огнемъ артиллеріи, дѣйствіе которой изъ полевыхъ орудій, какое бы не было число ихъ, не могло оказать важнаго успѣха, противу укрѣпленныхъ высотъ, вооруженныхъ отчасти длинными морскими орудіями 30-ти фунтоваго калибра (томъ II, стр. 373). Или, наконецъ, я долженъ былъ рѣшиться открытою силою атаковать отвѣсныя укрѣпленныя высоты, болѣе чѣмъ въ 100 метровъ, командующія окрестною мѣстностію и *до самого окончанія дѣла* (томъ II, стр. 379) защищаемыя первою, и частью второй французскими дивизіями (отъ 10-ти до 12-ти баталіоновъ), съ сильною артиллеріею.

Отдавая себя на судъ всѣхъ военныхъ людей, спрашиваю: возможно ли было мнѣ надѣяться на успѣхъ предпріятія, съ 16-ю баталіонами отряда, бывшими подъ командою генерала Липранди (*), изъ которыхъ слѣдовало отдѣлнить часть для занятія отбитыхъ у Турокъ редутовъ, удаленныхъ на 500 сажень отъ Кадыкюкскихъ ретраншаментовъ, прикрывавшихъ мой лѣвый флангъ? Могъ ли я, въ моемъ положеніи, подражать дѣйствіямъ Зуавовъ при Альмѣ, которые, при своей блистательной отвагѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не имѣли бы успѣха, если бы наша позиція была укрѣплена столь же сильно, какъ Сапунъ-гора, фронтъ ея протяженія былъ бы соразмѣренъ съ числомъ нашихъ войскъ, и если

(*) Я не считаю 58 эскад. кавалеріи, составлявшихъ болѣе трети моихъ силъ и оставленныхъ при Чоргунскомъ отрядѣ, за немнѣніемъ въ нихъ необходимости на другомъ пунктѣ, потому что по тѣснотѣ пространства негдѣ имъ было даже развернуться. Къ тому же, я не могъ раздѣлять мнѣнія полагавшихъ возможнымъ бросить ее на Балаклавскую дорогу, во входящій уголъ линіи союзниковъ, тѣмъ болѣе, что до укрѣпленія еще этого ущелья, генералъ Рыжовъ потерпѣлъ уже тамъ неудачу и что съ тѣхъ поръ (т. II, стр. 352) Англичане построили укрѣпленныя линіи и редуты, которые утвердивъ за ними владѣніе обѣихъ сторонъ ущелья, обезпечивали оборону горжи, замыкающей Балаклавскую долину; ровъ съ эполентами и волчьи ямы были вырыты на семъ пунктѣ для воспрепятствованія приближенію непріятельской кавалеріи.

бы войска наши не подвергались продольнымъ выстрѣламъ съ не-
пріятельскаго флота. При томъ же, за Зуавами шла цѣлая армія, а
Чоргунскій отрядъ, дѣйствующая сила котораго слишкомъ пре-
увеличена, 24-го октября (5-го ноября), былъ предоставленъ
собственнымъ средствамъ. Такъ, что въ случаѣ *весьма невпроят-*
ной удачи, войска, взобравшись на высоты, въ разсыпную, безъ
артиллеріи, были бы отброшены съ потерю, соотвѣтствующую
напраснымъ усиліямъ.

Смѣлая демонстрація противъ лорда Раглана, на отдаленномъ
пунктѣ отъ театра рѣшительныхъ дѣйствій, не принесла бы зна-
чительной пользы нашей главной атакѣ, потому что генераль
Боске, никѣмъ не угрожаемый, пріобрѣталъ бы еще болѣе сво-
боды въ своихъ дѣйствіяхъ, могъ устремиться съ своими силами
къ угрожаемому пункту, и исполнить это тѣмъ удобнѣе, что ему
ничего было заботиться о безопасности Балаклавы, охраняемой
(томъ II, 352 стр.) «бригадою сэра Колина Кемпбеля, отрядомъ
англійскихъ моряковъ и отборными турецкими баталіонами; кро-
мѣ того, войска эти были поддерживаемы съ лѣваго фланга фран-
цузскою бригадою Винон и прикрыты укрѣпленіями», на кото-
рыхъ лордъ Рагланъ (т. II, стр. 364) «исключительно обращалъ
свое вниманіе», и о которыхъ вы выражаетесь (т. II, стр. 364):
«препятствія, созданныя съ 25-го октября, на Балаклавской до-
рогѣ, и позиція, занятая союзниками со стороны города, оборо-
няемая значительнымъ числомъ батарей, не позволяли (Русскимъ)
атаковать съ успѣхомъ, въ томъ направленіи, въ которомъ была
произведена атака генерала Липранди».

Мнѣ, какъ и всякому вѣстному, хорошо извѣстно, что на войнѣ
приходится иногда жертвовать собою, безъ всякой надежды на
успѣхъ, единственно съ цѣлію обезпечить результаты болѣе важ-
ные; но въ томъ неблагопріятномъ положеніи, въ какомъ я на-
ходился, подставляя непріятелю одинъ или другой изъ моихъ
фланговъ на мѣстности, командуемой высотами, которыми, какъ
вы говорите, я не могъ овладѣть по *общему мнѣнію*, мнѣ нельзя
было отважиться на какое либо рѣшительное предпріятіе (т. II,
стр. 365), которое вело бы только къ *безполезной* потерѣ значи-
тельнаго числа храбрыхъ, безъ отвлеченія отъ генерала Даннен-
берга единого даже человѣка, сверхъ того числа, которое гене-
раль Боске основательно призналъ достаточнымъ для обороны
своей позиціи.

Вотъ краткія подробности Инкерманскаго сраженія, которыя, я полагаю, могутъ измѣнить строгій вашъ объ немъ приговоръ, объяснить *необыкновенную вялость* моей диверсіи, и препятствія, мною встрѣченныя, для принятія *болѣе энергическаго участія* въ событіяхъ этого дня. Но соглашаясь съ справедливостію замѣчанія относительно слабаго содѣйствія моего отряда въ день Инкерманскаго сраженія, я не могу, однако, понять, какимъ образомъ мое присутствіе, даже пассивное, предъ Сапунь-горю, «могло *вредить* атакующимъ колоннамъ генерала Даниенберга» (т. II, стр. 374), когда оно дѣйствительно отвлекло отъ него многія тысячи людей, участіе которыхъ на главномъ пунктѣ боя могло бы съ пользою послужить непріятелю.

Льщу себя надеждою, что я выполнилъ добросовѣстно обязанности генерала, если не солдата. Въ приписываемыхъ же мнѣ ошибкахъ могу сознаться только тогда, когда мнѣ будетъ доказано, что я *долженъ* и *могъ* атаковать Балаклаву, то есть долженъ былъ исполнить предпріятіе, «которое князь Меншиковъ и его совѣтъ (т. II, стр. 365) признали затруднительнымъ, почти неудобноисполнимымъ», атаковать Сапунь-гору, «противъ которой рѣшительныя дѣйствія встрѣтили бы *еще большія препятствія*», или, по крайней мѣрѣ, когда мнѣ скажутъ какого рода маневръ слѣдовало мнѣ сдѣлать, чтобы скрыть отъ генерала Боске мою существенную слабость.

Не соглашаясь, м. г., съ мнѣніемъ вашимъ, что рѣшительное и энергическое наступленіе Чоргунскаго отряда въ дѣлѣ 24-го октября (5-го ноября) могло бы измѣнить въ нашу пользу результаты Инкерманскаго сраженія (т. II, стр. 368), я считаю себя обязаннымъ предложить на судъ вашихъ читателей другія предположенія, справедливость которыхъ они сами могутъ оцѣнить.

Наше предпріятіе, рассчитанное на неожиданности (*), не увѣнчалось успѣхомъ, очевидно, въ слѣдствіе ошибокъ, совершен-

---

(*). Утверждаю положительно, что успѣхъ нашего предпріятія зависѣлъ единственно отъ перваго нашего усилія, и что соображенія нашего нападенія были основаны на безопасности Англичанъ, не наблюдавшихъ даже за единственнымъ удобнымъ востомъ на высоты, потому что безъ надежды, оправдавшейся на дѣлѣ, застать ихъ въ располхъ, генералу Павлову не представлялось возможности взобраться подъ ихъ огнемъ на крутизны Инкерманскія. Вѣроятно, что и князь Меншиковъ измѣнилъ бы эту часть начертаннаго имъ плана, неудобноисполнимаго, еслибы намъ пришлось атаковать непріятеля, немедленно по выходѣ съ плотины рѣчки Черной, въ порядкѣ

ныхъ на самой *Инкерманской равнинѣ*, при началѣ дѣла, когда еще была возможность воспользоваться мгновеннымъ замѣшательствомъ непріятеля, захваченнаго въ расплохъ (томъ II, стр. 370), и который, услыхавъ канонаду вдругъ съ разныхъ сторонъ, не зналъ, куда обратить свое вниманіе. Наши баталіоны, по тѣснотѣ мѣста, при невозможности построиться въ соответствующій боевой порядокъ, находясь въ сомкнутомъ строѣ, представлявшемъ непріятельскимъ выстрѣламъ почти сплошныя массы, вмѣсто одновременнаго наступленія по всей линіи, какъ было приказано, производя атаки частныя и то на одинъ лѣвый флангъ непріятеля (томъ II, стр. 372), не могли приобрѣсть успѣха. Правда, какъ только увидѣли ошибку, то тотчасъ исправили ее, давъ частямъ войска, невведеннымъ еще въ бой, первоначальное ихъ назначеніе; но удобный моментъ для рѣшительнаго удара, упущенъ былъ безвозвратно. Англичане, оправившись отъ перваго замѣшательства и получивъ подкрѣпленія, которыхъ не имѣли при началѣ сраженія, скоро приобрѣли перевѣсъ и сдѣлали безуспѣшными всѣ наши дальнѣйшія усилія. Такимъ то образомъ, наше предпріятіе, начатое при столь благопріятныхъ условіяхъ, не удалось, вслѣдствіе несвоевременной встрѣчи колоннъ Соймонова и Павлова на одномъ и томъ же пунктѣ, что задержало на время наше наступленіе, и, дозволивъ Англичанамъ оправиться, было отчасти ихъ спасеніемъ (томъ II, стр. 372). Этотъ то *ошибочный маневръ*, о которомъ нѣтъ рѣчи въ вашемъ разборѣ нашей неудачи (томъ II, стр. 386), одинъ подвергъ не только опасности участь дня, но едва не сдѣлался для насъ еще болѣе гибельнымъ, еслибъ не геройское самоотверженіе нашихъ войскъ, которыя при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, выдерживали сраженіе долгое и упорное, хоть уже бесполезное, и нанесли союзникамъ довольно ощутительный уронъ, воспрепятствовавшій имъ преслѣдовать наши разстроенныя баталіоны, несмотря на то, что пути отступленія нашего пролегли по тѣснинамъ, съ одной стороны черезъ Севастопольскія ворота, а съ другой по крутому спуску, за которымъ слѣдовало узкое шоссе, длиною въ 600 метровъ.

Прося васъ, милостивый государь, принять увѣреніе въ моемъ уваженіи, смѣю надѣяться, что ваше безпристрастіе откроетъ

чрезмѣрно растянутомъ и удаляющимъ на долгое время головныя войска отъ подкрѣпленій послѣднихъ.

мѣсто этому письму въ дополнительныхъ статьяхъ вашего сочиненія.

Генералъ, князь Петръ Горчаковъ.

P. S. Пользуюсь симъ случаемъ, чтобы протестовать противъ приписываемаго мнѣ *не совсѣмъ вѣжливаго* разговора съ посланнымъ отъ Англичанъ парламентаромъ, по поводу атаки, произведенной ихъ кавалеріею въ Балаклавскомъ дѣлѣ (томъ II, стр. 345). Имѣю честь объявить, что, въ продолженіе цѣлой Крымской компаніи, я не только не имѣлъ случая *вести непосредственно переговоровъ, но даже не видѣлъ* ни одного непріятельскаго парламентарера.
